

Э. В. Ильенков: личность и творчество**E. V. Ilyenkov: Personality and Creative Work***Г.В.Лобастов**G. V. Lobastov*

ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», Москва, Россия

Moscow Aviation Institute (National Research University)

lobastov.g.v@yandex.ru

Статья посвящена 95-летию со дня рождения выдающегося отечественного философа Э. В. Ильенкова (1924—1979). Раскрываются основные проблемы его философии, штрихи личной судьбы философа сопряжены с понятиями личности и свободы, входящими в круг его исследовательского внимания, и вписаны в контекст объективных и субъективных условий бытия. Раскрывается смысловая сторона всей творческой деятельности Ильенкова, обосновывается внутренняя связь всего диапазона им исследуемых проблем — от общемировоззренческих до конкретно-психологических и педагогических.

Ключевые слова: Ильенков; объективные условия личностной позиции; субъективные условия личностной позиции; идеальное; идеал; истина; логика мышления; диалектика; свобода; личность; культура.

The paper is devoted to 95th anniversary of birth of E. V. Ilyenkov (1924—1979), prominent Russian philosopher. The author reveals main problems of Ilyenkov's philosophy, the traits of his personal destiny connected to the notions of personality and freedom included in the circle of his research attention and inscribed into context of objective and subjective conditions of existence. The author expands sense bearing side of entire creative activity of Ilyenkov and substantiates the inner connection of the whole diapason of problems Ilyenkov had studied, ranging from general worldview to specific psychological and pedagogical.

Keywords: Ilyenkov; personal position's objective conditions; personal position's subjective conditions; Ideal; ideality; truth; logic of thinking; dialectics; freedom; personality; culture.

Разумеется, в одной статье осветить личность и творчество такой фигуры, какую представляет собой Э. В. Ильенков, дело немислимое, однако некоторыми штрихами суть его творчества высветить можно. За сорок лет после его ухода из жизни (1924—1979) о нем уже немало написано — в разных жанрах и на разном уровне. В настоящее время издается полное собрание

его сочинений в 10 томах (четыре тома уже вышли из печати), что дает возможность более глубоко войти в пространство мысли этого философа.

В 2008 г. вышла книга «Эвальд Васильевич Ильенков» в серии «Философия России второй половины XX века» [1]. В этой книге приведена полная библиография работ Э. В. Ильенкова и список публикаций о его

творчестве, на тот момент насчитывающий 154 названия. Издано более 30 томов материалов ежегодной Международной научной конференции «Ильенковские чтения». Двадцать лет как создано Российское философское общество «Диалектика и культура», деятельность которого направлена на исследование творческого наследия Э. В. Ильенкова. В Лондоне существует Общество международных друзей Ильенкова (International Friends of Ilyenkov).

В отечественной философии советского периода было много имен, творчество которых вошло в сознание не только отечественной культуры. Это были люди разного умонастроения, различных мировоззренческих ориентаций и даже идейно-политических идеалов. Сближала, и даже объединяла, их личностная установка, их личностная позиция, восходящая к бессознательному мотиву понять то, что есть, и это многообразное существование осмыслить через единый принцип. Найти единое начало всего сущего.

В такой позиции нет ничего необычного, имплицитно она присутствует в каждом сознании, но экспликация ее у каждого происходит по-разному. Выражая это дело простым языком, речь идет о мировоззренческой позиции, содержательно растянутой в эмпирической действительности от факта самосознания до «звездного неба над головой». Выразить это обстоятельство в теоретическом мышлении, и тем самым определенность этой позиции мышления сделать общезначимой, выпадает на долю тех, кто находит в себе силы удержать себя в *личностных определениях* и свое отношение к миру выразить как отношение к самому себе.

Такой момент мы легко находим в составе любого самосознания. А мышление, которое выводит это самосознание на общетеоретическую позицию, есть философия: «философия есть теоретическая форма самосознания», говорит Гегель. Потому понять себя вне исторической философии невозможно. Все, что мы имеем в составе самосознания эмпирических индивидов, всегда соразмерно их взглядам на мир. А потому

соразмерно и способности понимания, постижения сути вещей. Факт внутренней связи самосознания и сознания, не столь легко наблюдаемый, но отчетливо понимаемый в философии, еще более обостряет проблему истины. Здесь истина ставится в зависимость не только от познающей способности, но и от форм бытия самой действительности: сама объективная действительность обнаруживает себя в ее собственных конечных и бесконечных определениях, связь которых в вещах всегда конкретна, - и истинность вещи отражается не только сознанием, но и высвечивается через бесконечные, т. е. абсолютные, определения самой мировой действительности.

Так что нет ничего особенного в позиции и способностях тех людей, которые как бы волей судьбы творят культуру и открывают эту культуру нашему уму.

Серьезное исследование содержания и смысла идейно-политических ориентиров, собственно философской проблематики в движении и развитии отечественной философской мысли еще ждет своего часа. Все, что сегодня делается в этом отношении, еще слишком отягощено сиюминутными оценками, вырастающими из переломной эпохи 90-х годов прошлого века. А сегодняшнее катастрофическое падение образования на всех его уровнях не дает надежды, что скоро появятся исследователи, способные к масштабному охвату и глубокому анализу смысловых тенденций философии советского времени.

Содержание культуры советского периода истории столь многообразно, настолько разветвлено, что подвести его под единую мерку и в самом деле затруднительно. Реализм — в любых его измерениях: и как социализм, и как неореализм, и как сюрреализм и т. д., и даже там, где этот термин не упоминается (модернизм, постмодернизм и т. д.) — реализм во всех своих определениях обращен к объективной реальности. Конечно, и фантазии, и мифы вырастают из реальности и к ней же обращены, но в субъективных представлениях они кажутся с реальностью не связанными. И истина

зависит от того, насколько во всех этих движениях духа, в каких бы сферах дух себя ни обнаруживал, — во всех проявлениях истина его зависит от меры погружения в самое реальность. Мера истины и мера заблуждения, конечно, соотносимы, но разум знает, что их относительность снимается только там, где свое собственное измерение истина находит в абсолютном содержании бытия.

И здесь без *ума философии* провисают все суждения. А ум философии заключен в ее собственной истории, истории ее поисков всеобщих определений бытия и их, этих определений, рефлексии в логических формах мышления. Но если ум пророс конечными формами эмпирического содержания и через призму этих форм рассматривает действительность, то кроме случайно-поверхностного содержания он, конечно, ничего и не найдет, и не увидит. И активностью своей формы будет комбинировать это содержание под свои интересы. Этот субъективизм порождает симуляции и симулякры, и постмодернизм хорошо отражает эту ситуацию. Слова и фразы приобретают самостоятельность, которая, утверждая себя, разлагает субъективность, и в этом разложении ее цементирует. К истине это отношения не имеет, но это реальный объективный факт культурно-исторической действительности, — и его, конечно же, отражает стихийно-некритичное сознание и, естественно, принимает за истинное.

Но суждения своими предикатами должны иметь не случайные (т. е. конечные, преходящие) определения, лишь кажущиеся всеобщими и необходимыми, а определения, обоснованно восходящие к абсолютным формам. Тут-то как раз и нужна глубокая философия, выражающая реальность в ее предельных основаниях, философия с ее устойчивой интенцией различения субъективного и объективного, истины и заблуждения. В мире господствуют интересы, говорил Маркс, а Ленин заметил, что теоремы геометрии изменялись бы, если бы они затрагивали интересы людей.

Но идеологию, защищающую те или другие интересы, конечно же, нельзя

смешивать с философией. И оценивать то и другое с позиции обыденного сознания, замкнутого банальными жизненными условиями. Тем более с позиции политических обстоятельств. Короля делает свита, культ личности — продукт неразвитых обстоятельств, порождающих соответствующее сознание. Исторический процесс сознательного преобразования человека не начинается с чистой доски, не начинается он и с готовности каждого изменить себя. Каждый желает изменить лишь обстоятельства — и в том направлении, где его наличные потребности и интересы будут якобы осуществлены.

Разумеется, вне этих обстоятельств, вне всего содержания социально-экономического и культурно-исторического бытия рассудить *смыслы творчества* творческих людей нельзя и невозможно. Человеческая проституция, представляющая собой всеобщую форму буржуазно-общественного бытия (Маркс), родилась задолго до капитализма, Бог и Дьявол скалили зубы друг на друга с незапамятных времен, и борьба социалистического принципа с этим явлением приводила к различным формам государственного и общественного действия. Индивидуальная психология, отягощенная «идиотизмом деревенской жизни» (Маркс) и мещанством городского быта, пропитанная мелкобуржуазной идеологией, далекая от понимания происходящих социально-политических процессов, — эта психология делала свое дело, удовлетворяя свое нутро любым ей доступным образом. Что «голова летели» не без ее участия, пожалуй, понятно.

Сегодняшняя действительность явно свидетельствует о слабости социалистического принципа, который мог утвердиться в действительность только преодолевая эту психологию. Понимание сущности человека как тотальности общественных отношений логично вело дело к преобразованию этих отношений — чтобы преобразовать психологию. А более глубоко — человека. Личность. Здесь и был завязан узел всех проблем, внутри пространства которых по необходимости оказывался каждый активный

индивид. Исследовать эти процессы психологическая наука не может, не может и так называемая социология, заквашенная на эмпиризме. Это дело философии — проникнуть в предельные основания человеческой действительности и из единого принципа развернуть зависимости внутри устойчивых форм общественно-исторического развития, исследовать взаимосвязи этих реально-объективных форм с содержанием общественного сознания, исследовать природу человеческой субъективности внутри всей этой действительности объективных взаимосвязей.

Думать, однако, что истину в советский период развития культуры (в том числе философской) шельмовали коммунистические идеи, это не просто ошибаться, это обнаруживать свой мелкий взгляд на действительность. Пристально-умный взгляд в действительность всегда отягощен задачей обоснования самой истины, потому как именно в ней, в истине, человек ищет основание любого своего конкретного суждения. Культура во всех ее формах исторического существования объективно направлена на формирование субъективной позиции человека, приближающей его к объективно-всеобщей точке зрения на бытие.

Вот эта истина и есть центральный вопрос философии: что это такое и как она возможна? Она *ищет и опирается* на абсолютное содержание бытия. Легко понять, что истина внутренне связана со свободой, и свобода возможна только как движение, только как действие, определенное истиной. Потому и в советской действительности, там, где была философия как философия, там любые внешние условия оставались внешними. Там, где дело связано с сутью дела, там это дело ведет только суть.

Разумеется, в истории были случаи, когда мыслитель оказывался в политической власти, были случаи, когда мышление и власть совпадали, но только социалистическое (коммунистическое) движение ставит своей целью превратить эту случайность в необходимую связь, сделать мышление всеобщей формой осуществления человеком

своей жизни. Потому Ильенков и говорит, что «коммунизм — это общество умных людей». Общество, где деятельность людей организована умом. Где ум — это атрибутивная принадлежность каждого. Где руководствуются этой всеобщей способностью, а не способностью особого органа. Государство может «отмереть» только при этом условии. Потому школа, которая учит мыслить, явно входит в противоречие с капиталистической организацией общественных отношений.

Но капитализм жаждет умных, со времен своего возникновения он знает, что «знание — сила». И потому держит под контролем его формирование: формирует, развивает только такое знание, которое как элемент входит в рабочую силу. Его не интересуется индивид как *личность*, но только как *носитель* рабочей силы, — силы каждый раз особой квалификации.

Разделение труда формирует «профессионального кретина». Однажды на реплику, обращенную к нему, Ильенков сказал, что и философия в этом отношении ничем не отличается от прочих форм разделения труда. И что философ по профессии столь же ограничен, как и любой другой профессионал. Хотя, казалось бы, по предметному содержанию она, философия, представляет собой всеобщую форму, и неслучайно в человеческих представлениях она с давних времен почиталась как наука наук. Но как форма сознания, выражающая собой всеобщие принципы отношения человека к миру и в движении этих принципов выражая всеобщую форму человеческой предметно-практической деятельности, она бессознательно имеет место в составе любого и каждого индивидуального сознания. И если «школа должна учить мыслить» [2, с. 18—30; 3, с. 30—43], то это только и означает, что ее, школы, деятельность должна быть выражением и воплощением всеобщих универсальных идеальных форм человеческой деятельности, форм, которые и представлены в каждом деле человека и во всех сферах человеческой общественно-исторической действительности. Культура

становящегося человеческого существа здесь должна обрести свою душу.

И культура становится действительной культурой только там и тогда, где и когда она впитала в себя культуру мышления. Окультуренное мышление — это мышление, выработанное и отшлифованное исторической философией. Без чего эта культура остается той самой общественной психологией, переполненной представлениями самого различного рода, но во всех своих различиях тем не менее отражающей поверхностный слой бытия, перелопачивающий его содержание сообразно меняющимся «ценностям».

Дойти до определяющих причин этих обстоятельств нельзя без мышления. Без мышления — только дорога к Богу. И тропинка туда тем утоптанней, чем меньше свободы ума, чем больше безумия, чем меньше субъектности, чем больше убогого послушания. Туда, где безликость надеется обрести свое лицо и свое бессмертие в фантастическом историческом мифе, — мифе, который давно воплотил себя в мире и выстроил свои цели и способы их воплощения в действительности. Безумие и заблуждение — далеко не просто невинные вещи, своей реальностью они определяют бытие. В этом стихийном материализме идеализма гораздо больше, чем в рафинированных формах идеализма философского.

Философский материализм гораздо более сложная проблема, нежели как она видится через призму науки и обыденного сознания. Даже наоборот — и наука, и обыденное сознание очень легко из себя порождают стихийный идеализм, который при отсутствии культуры мышления оборачивается религией, мифологией и различными суевериями.

Вот, я бы сказал, некоторый контур обстоятельств и проблем, внутри которых существует любое мыслящее существо и любой индивид с его обыденным сознанием своего обыденного бытия. И для любого мыслителя это очевидно, и любому мыслителю надо *понять*, как это *можно* понять.

«Поэтому мыслитель не просто «принадлежит своему времени» — и в основаниях, и в следствиях он далеко выходит за рамки его» [4, с. 174].

Можно сказать, что судьба Ильенкова была трагичной, можно сказать наоборот — счастливой. Сын писателя, в юные годы прошедший войну, привезший из поверженного Берлина пластинки с музыкой Вагнера, слушать которого он навязчиво и нежно предлагал близким ему людям; после войны закончив философский факультет МГУ и там же защитивший диссертацию, выступил против засилия на факультете догматизма и ложного понимания предмета философии; потому с факультета он был уволен и до конца жизни, которую он оборвал сам, он проработал в Институте философии АН СССР. В науке уже сто лет существует так называемый биографический метод, к сути философских проблем он отношения не имеет, но как много мы видим попыток объяснить некие идеи мыслителя его жизненной судьбой! Однако это много лучше, чем объяснять их, идеи, физиологическими особенностями тела человека. Все, что я выше пытался сказать, как раз относится к демонстрации того, что личность, внутренняя судьба личности и ее дело, не зависит от внешних обстоятельств, внутри которых по необходимости осуществляется судьба любого человека. Внешние обстоятельства человек должен уметь превратить в условия собственного бытия. И именно в этом *преобразовании обстоятельств в условия* осуществить свое человеческое дело, дело, которое положено его человеческой идеей. Но что личность сама выстраивает свою «биографию» в конкретных объективных общественно-исторических условиях как раз путем их преобразования, путем выявления в них всеобщих форм как действительных условий своего движения, — это настолько прозрачное положение, что, кажется, даже объяснять не надо.

А что значит самоубийство мыслителя? Судьба Сократа показала, из каких корней может прорасти самоубийство, как здесь переплетаются объективные линии

развития общественного бытия и собственная личностная позиция, как акт смерти сделать актом своей жизни. Неглубокое сознание к этому акту испытывает полумистический интерес. «В этом стремлении самостоятельно пересечь границу между жизнью и смертью всегда кроется неслыханная тайна, и всегда те, кто остается, помимо боли и отчаяния, испытывают странное, необъяснимое любопытство. «Для меня, сыночек [пишет из ада в сюрреалистическом романе Януша Леона Вишневого «На фейсбуке с сыном» его мать — примеч. автора], самоубийство несогласие с жизнью означает. Ведь мир каждому из нас несчастий щедро насыпает: старость, болезни, безнадежную любовь, нестерпимые боли, позор, стыд, смерть близких, публичные унижения, оскорбленную честь, творческую ничтожность, человеческую подлость — да мало ли их, все не перечислишь! Некоторые не имеют желания бороться с этими несчастьями и в какой-то момент выбирают для себя Большой Побег на ту сторону — может, по причине хрупкости психики, может потому, что у них болевой порог низкий, а может, просто потому, что в ежедневном вставании, чистке зубов, еде, пищеварении, туалете и, прежде всего, в мышлении больше не видят смысла» [5, с. 56]. Счастливая сторона жизни Ильенкова как раз и состояла в том, что она, эта жизнь, была *осмысленна* и прошла *не бессмысленно*. Но думать, что вместе с жизнью оборвались и натянутые струны жизненных смыслов, вряд ли стоит. Осмысленность и свобода личности Ильенкова как раз заключалась в том, что он видел более широкие и глубокие обстоятельства жизни общечеловеческой, а потому и своей собственной, и мировая культура, в первую очередь философская, как истинно *человеческое обстоятельство* было превращено им в его собственное условие жизни и перешло в ее основание. С. Н. Мареев, один из учеников Ильенкова, книгу о нем назвал «Жить философией» [6].

С присущей ему скромностью Ильенков говорил, что он лишь популярно изложил те проблемы, которые наиболее актуальны *во*

все времена и которые давно представлены в философии. Читайте Гегеля, откликнулся он на вопросы по его работам.

Но, конечно, это не так. Анализ его работ далеко не закончен, но уже сегодня видно — как было видно и в момент вхождения его в философию, — что перед нами действительный философ, философ с той самообытностью ума, которая определялась всем контекстом диалектической линии в истории философии. Определяясь в этой культуре, он делал эту культуру основанием своего творческого бытия.

Так происходит с каждым, но не каждый, определяясь социально-культурными обстоятельствами, постигает их и преобразует в собственные условия. Осуществляя тем самым, этим преобразованием, свою свободу, которая без познанной истины просто произвол. Потому каждый строит себя в активном обусловливании себя обстоятельствами, которые, к счастью, можно выбирать. «Обстоятельства не выбирают» — это утверждение безликого существования.

Но свобода не сводится к этому выбору. Ибо истину не выбирают, ее *постигают*, ее утверждают, тем самым утверждая себя как личность. Безликость, утверждая свою свободу в выборе, выбирает из состава наличного. И не только не постигает суть дела, но наоборот, бессознательно для себя идет в этом выборе туда, куда толкают ее за ее спиной стоящие силы.

Ильенков показал тождество единичного и всеобщего, диалектическое единство исторического и логического в составе личностного бытия, и выразил это не только в логике категорий, но и в столь затасканном обыденной философской общественностью «понятии» личности. Его философия развернула себя от «Космологии духа» [7, с. 415—437] до ясного диалектически определенного понятия личностной формы [8]. Ильенков глубоко понимал, что личность — это смысл, «самоцель» истории, и воспитана личность может быть только при создании соответствующих социально-исторических условий, внутри которых «не личностью быть нельзя». И сама личность

определялась им совершенно по Марксу — как тотальность общественных отношений. Поймите это те, кто умеет думать. А не как в тех примитивных определениях, которых кто-то насчитал более двухсот, где она, личность, определяется как все более расширяющаяся совокупность признаков естественно-антропологического и социального характера. Все определения при такой методе и выступают как различные комбинации известных и «вдруг» найденных свойств в случайностях эмпирического бытия. Опираясь на такую научную пошлость, конечно, нельзя всерьез думать о деле формирования и воспитания личности.

Ильенков ставит вопрос, каким образом всеобщие формы представления людей, вырабатываемые в культуре, соотносятся с объективной действительностью. Понятно, что в составе этих человеческих представлений мы можем найти различные позиции, ибо мы можем опираться на разные фрагменты этой действительности, на различные культурно-исторические образования и, естественно, если опираемся, то возводим их в форму всеобщности. И тем самым, конечно, заблуждаемся. Плюрализм для философии ничего не значит. Говорить и спорить о различии позиций и даже кичиться своим отличием от чего угодно можно сколько угодно. Особенно льстят себе, если пытаются себя отличить и противопоставить великому и серьезному в культуре. Объяснять природу этих явлений дело скучное, ибо если постигнута суть человеческого бытия, то становится само собой разумеющимся, откуда и зачем является эта мимикрия под свободно-личностную форму.

Но если мы не ставим и не разрешаем проблему человеческого основания бытия, то мы никогда не выйдем из тупиков поверхностного экзистенциального слоя. Плутание в них и есть постмодерн. Но если я признаю, что отличительной характеристикой человека является *идеальное*, я и должен в полном объеме — и хорошо понимая, что делаю, — поставить проблему идеально-го вообще. Ильенков эту проблему ставит и классически решает.

Более того — и это в его концепции естественно, ибо логично, — он показывает, что без разрешения этой проблемы невозможно понять и проблему идеала. Идеалы — это не то, чего нет. Сказать так — слишком мало. И слишком не точно, ибо простое противопоставление бытия небытию никогда не достигало истины, хотя видимость таковой в рамках здравого смысла всегда имело. Диалектическая традиция от Гераклита до Гегеля (я уж тут не говорю о Марксе) хорошо понимала необходимость углубления понятия в их, бытия и ничто, единство и, следовательно, видела их в форме диалектически связанных моментов самой действительности.

Идеал поэтому есть вполне определенный момент в составе человеческого бытия, имеющий своим основанием именно это бытие. И содержание, и определенность его, идеала, коренится именно здесь, в бытии. Человеческое бытие, человеческая действительность никогда не может быть полной не только вне идеальной формы, но и вне идеала. Человек — существо, живущее во времени и, домысливая вслед за Аристотелем, господствующее над временем. Идеал связан с *временным* определением бытия и не просто с удержанием самоидентичности этого бытия в его временном определении, в его изменении, а с такой его, изменения, формой, как развитие. Поэтому человеческая действительность опирается на идеал.

А идеал может быть противопоставлен действительности только в абстрактном мышлении. И именно здесь он теряет истинность. Ибо *идеал — не то, чего нет, но то, что есть*. И есть не только в качестве сознательного (рационально выражаемого или только предчувствуемого) образа, но в качестве объективной формы действительного бытия, различаемой мышлением и чувством и превращаемой в исходный принцип самоопределения бытия. Конкретное мышление обязано его, идеала, абстрактную противоположность бытию снять. Снять, потому что и в самой действительности он постоянно снимается бытием, становится объективным моментом этого бытия. Идеальным объективным моментом. Снятое в

объективном процессе (объективным процессом) в деятельности человека удерживается в формах его культуры и в сознании.

Человеческое сознание своей мыслительной формой разворачивает любую вещь в ее временное, процессуальное бытие. Снятые, идеальные формы поэтому и удерживаются сознанием как актуально значащие. И эти формы, не обладающие чувственно-непосредственным бытием, через деятельность мышления представлены в бытии в их *актуализируемой практической деятельности* форме — во всем развороте их смыслового пространства и времени.

И идея вещи и ее идеал необходимо представлены в понятии, в мышлении, а значит — и в актуальной действительности самого человека. Без идеала человеческая жизнь принципиально неосуществима.

Идеал представлен не только в историческом времени, но и во времени моего индивидуального субъективного бытия, коль скоро я масштаб истории делаю измерением моего собственного индивидуального личностного существования. А идола, в чем бы они ни представляли, всегда будут идолами — ложными представлениями, порождающими и ложные действия. И эти идола будут культивироваться самой действительностью — той, которая заинтересована не только в подмене понятий, но и в подмене самих реальных форм [9]. Неподлинность этого интереса объясняется исторически ограниченными формами практического бытия, внутри которого истинная всеобщность объективно подменяется ее собственными превращенными формами. Форма мышления, способная с этим составом исторической человеческой действительности разобратся и ориентировать человеческую деятельность на истину, есть диалектика. Она-то и интересует Ильенкова и исследуется им не только в качестве объективно-идеальной формы, вырабатываемой исторически, но и как внутренний способ разумного бытия личности, бытия, осуществляемого по логике объективно определенного идеала [10, с. 203—275]. И здесь Ильенковым прочерчивается исследовательская линия

от «Античной диалектики как формы мысли» [11, с. 56—101] до логики «Капитала» К. Маркса [12]. Поэтому-то Ильенков и ставит проблему отношения общественных представлений людей к объективной реальности.

Гегель в своей философии развернул и показал всеобщность мыслительной формы, достигающей истины бытия. Здесь, в философии Гегеля, Ильенков находил решающую позицию в понимании логической формы, ибо только такая всеобщая диалектическая мыслительная форма и способна извлечь из состава действительности ее идеальное содержание и сделать его идеалом. Идеалом — значит принципом моего человеческого существования.

Возникающее человеческое бытие уже самым этим фактом возникновения перед самосознающим человеком ставит проблему: как возникает идеальное в составе развивающейся человеческой субъективности. И каково отношение этого идеального содержания к самой действительности, с одной стороны, и к человеческой субъективности — с другой.

Представление об идеальном как форме вещи вне вещи, развернутой в деятельности общественного человека, для всех знакомых с творчеством Э. В. Ильенкова уже давно стало известным положением. Но все «известное», кажущееся легко понятным, столь же легко превращается в догму. Но понятие его, идеального, заключается в превращении этой всеобще-универсальной формы деятельности общественного человека в собственную способность каждого индивида, и наоборот. На основе понимания этого обстоятельства только и возможна действительно научная педагогика, педагогика формирования свободной творческой личности.

Те напряженные линии исторической взаимосвязи культурного процесса, которые определяют логику понимающей мысли, в философии высвечиваются через анализ сугубо специфического разворота всего лишь одной, по сути дела, проблемы — проблемы становления человеческой

субъективности. Как и всякий предмет исследования, человеческая субъективность требует анализа своих собственных предпосылок, четкой формулировки самой проблемы, исторических ее модификаций и ее решений в пространстве культуры, определения ее теоретического и практического статуса сегодняшним ученым сознанием и т. д. Исследуя этот процесс, Ильенков требует предельного внимания к логике, в рамках которой может быть открыта истина, истинное понимание предмета.

Поэтому естественно, что тут неминуема рефлексия этой логической способности, выявление той всеобщей формы, в рамках которой сам предмет определяется первоначально как логически возможный и в рамках которой сама эта логическая возможность переходит в действительность. Осознанность этой логической задачи оборачивается проблемой развития, перехода в противоположное (перехода тела немыслящего в тело мыслящее), без которой увидеть, как дело обстоит на самом деле, невозможно. Логика, теоретическое мышление, есть единственное средство приведения многообразия эмпирической действительности к единству, к выявлению их, этих фактов, единой природы.

А проблема развития в самой логике ставит — и весьма остро — проблему единства самих логических определений. Потому как всякое изменение вообще без противоречия понято быть не может. Факт, который уже обнаружила Элейская школа, задав будущему загадку противоречия в мышлении, каких бы всеобщих определений то мышление ни касалось. Везде, где мышление пытается воспроизвести суть вещи, оно наталкивается на противоречие, а противоречие это возникает из факта изменчивости этого мира. Потому понять изменение — это снять противоречие. Но снятие есть сохранение, потому в найденной форме тождества противоречащих противоположностей противоречие сохраняется, но уходит из сферы непосредственности, сохраняя себя как внутреннюю форму и как потенциальную силу. Потому если форма,

разрешающая противоречие, не находит в себе условий сохранять себя, она тем же самым противоречием может быть разрушена. Потому вещь в своей сути оказывается несущей противоречие, и понять ее означает обнаружить эти ее внутренние определения, определения, через которые она бытует, через которые она есть. Ее подвижное бытие и означает, что вещь и равна самой себе (момент покоя) и не равна (момент изменения) одновременно. Это, как понятно, есть логическое требование, в принципе не доступное формально-обыденному представлению о логике. Но не выполнив этого требования, нельзя вещь *понять, т. е. выразить ее в логическом мышлении.*

Первая крупная работа Э. В. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении» [13] детально проясняет диалектику логической формы — с прочной опорой на философскую классику и логику Маркса.

Именно в этой логике Ильенков исследует мышление в его онтогенетической форме и ставит вопрос о нижнем пределе этой логической способности, о границе, за которой мышления нет и быть не может. Проблема начала мышления в индивидуальном развитии индивида разворачивается *наукой* в многообразном содержании и по необходимости актуализирует проблему объективного анализа мышления в его чистой всеобщей форме. Что и делает философия в историческом процессе. Онтогенез здесь выступает как форма проявления объективных мыслительных форм. Увидеть субстанцию мышления в Боге или биологической природе — ходы достаточно известные, но они либо уводят мысль в другое пространство, определяя духовное духовным (религия), либо редуцируют проблему человеческой субъективности к определениям животного рода, к биологической природе тела. В такой «логике» вполне естественны представления человеческой души через физические поля, «тонкие материи» и т. д.

Именно в это обстоятельство и упиралась мысль любой философской позиции. Речь сводилась к тому, каким образом тело

может функционировать в согласии с идеальными формами, вырабатываемыми в культуре, а не по своему естественно-биологическому закону. Без Гегеля и Ильенкова, более того, без Демокрита и Гераклита, без Декарта и Спинозы и т. д., как оказалось, эта проблема и поставлена быть не может.

Любопытно, что, казалось бы, столь отвлеченный характер философской категории идеального (мышления) у Ильенкова с самого начала опрокинулся на реальный процесс воспитания ребенка, процесс превращения человеческой телесности, ее движения, в мыслящее тело, в мыслящее движение. Но это не удивительно, ибо разворот понятия мышления с самого начала удерживает в себе противоположности движения от объективных форм к субъективным и, наоборот, от субъективного к объективному. Процесс этого перехода не может быть понят в актах наблюдения, более того, само наблюдение оказывается зависимым от исповедуемых логических принципов — эти известные в истории философские сюжеты, естественно, повторились и в обсуждении этой узловой проблемы и в психологии, и в педагогике, и в физиологии высшей нервной деятельности.

Идеальное не менее загадочно, чем человеческая телесность, на неизведанность возможностей которой ссылался Спиноза. Эта древняя как мир проблема и по сей день определяет мировоззренческую позицию человека — даже психолога и философа. Ибо феноменальное ее обнаружение столь многообразно и столь сложно (сложено из широчайшего диапазона ее составляющих процессов, в той или иной мере уже известных науке), что мысль не способна удержать ее сложное единство, преисполненное противоположностями и противоречиями. Отсюда и отказ от самой мысли, уход в мистические и религиозные сюжеты, а по факту, поскольку практически эта проблема всегда актуальна, все дело оборачивается «ползучим эмпиризмом» тех научных исследований, которые, по идее, призваны поставить дело воспитания и обучения на серьезную научную основу.

В деле воспитания личности в условиях сенсорной недостаточности (слепоглухоты) Э. В. Ильенков получил самое серьезное подтверждение и позиции Спинозы и своей собственной, заключающейся в том, что телесная функция и функция мышления — это одна и та же функция, одна и та же форма, одно и то же движение.

Вот здесь и возникает вопрос: как возможна ситуация, в которой мышление существует объективно в формах (как форма) реальной материальной деятельности и, одновременно, субъективно — в форме способности субъекта. Для всякого знающего диалектическую форму разрешения противоречия тут проблемы нет: в составе действительности необходимо обнаружить такую реальную форму, которая могла бы удержать в своем содержательном составе развитые и всеобщие-необходимые моменты обоих противоположностей. Говоря языком диалектики, их снять. И потому ответ прост: эта ситуация, удерживающая одновременно существование обоих вступивших в логическое противоречие форм, есть реальное движение субъекта в объективно-реальных обстоятельствах его деятельности.

Действующий человек действует со знанием формы своей деятельности. Поэтому противоположные моменты разрешаемого противоречия не просто сосуществуют в снимающей их форме, но существуют в том их единстве, которое логически выражается как тождество. Тождество противоположностей.

Всеобщая форма культурно-исторической предметно-преобразовательной деятельности и есть то, что Ильенков, повторю, называет идеальной формой, которая дана и задана любому именно в форме всеобщей, значащей для всех и для каждого, но заданной через сознание и потому могущей быть «принятой» только сознанием. Именно она и представляет собой, своей идеальностью, объективную всеобщую форму деятельности общественно-исторического человека.

И потому же она должна быть способной разворачиваться внутри индивидуального сознания — как *форма деятельности*.

Как идеальная форма. Как мыслящая способность. Как мышление. Понятие есть свернутая теория, а теория — развернутое понятие. Гегель, а за ним и Маркс, великолепно обосновали и показали процесс «сворачивания» определений (характеристик) действительности в понятие, переход реального в идеальное. И, наоборот, идеального в материальное. Если нет формы понятия, если нет способности развернуть мысль в той последовательности и из того основания, в какой и из чего возникает и разворачивается сам предмет, то как его можно ввести в субъективность (в сознание, в душу) человека?

В противоречии всеобщего культурно-исторического содержания и способа его единично-индивидуального осуществления проявляется противоречие самой формы личностного бытия. Разрешение этого противоречия может происходить самым различным образом. Целое человеческого бытия, однако, исторически связывается различными синтезами. Но это всегда синтез противоположностей. Тождества противоположностей этот синтез достигает в такой организации общественного производства человека, в которой любая часть целого выражает и представляет собой все целое.

Личность снимает в своих личностных способностях историческую диалектику становления себя как личности, как личностной формы, категориально задаваемой каждому отдельному индивиду. Поэтому общественная целостность должна быть таковой, каковая представляет собой всеобщее условие развития каждого индивида. Именно здесь никакой другой индивид не выступает средством своего дела. Здесь имеет место всеобщая опосредованность каждого составом исторически выработанного идеального содержания действительности, представленного в субъективности каждого. Это общество умных людей, как говорит, повторю, Э. В. Ильенков. Умных, то есть способных к универсальному удержанию любой формы бытия и воспроизведению ее в своей свободной деятельности, более того

— к творению и развитию своего человеческого культурного мира.

Философия Э. В. Ильенкова захватывает все пространство человеческой действительности. Те истины, которые добываются им, всегда представлены им как естественно (диалектически) прорастающие в развивающемся содержании бытия. В этом проявляется гегелевская мысль, что истина не есть голый результат, но всегда дается вместе со своим становлением. Для Ильенкова такой путь — настолько важный момент, что рефлексия способа мышления, осуществляемая масштабом всей мировой классической философии, становится неотъемлемым моментом всего процесса рассуждения. Оттого, как мы мыслим, прямо зависит и результат мышления, зависит тот образ предмета, который мы познаем.

Исследования Ильенковым мышления — это целая глава в истории философии. Исследуя способность мышления как всеобщую культурно-историческую идеальную форму деятельности общественного человека, Ильенков и исследует эту деятельность в ее исходной, практически-преобразовательной форме. В той форме, в которой формируется человек и исторически развивается его сущность. Но для обыденного сознания, схематизмы которого господствуют и в науке, — это самый сложный пункт для понимания: оно толкует мышление как только субъективно-психическую деятельность, противопоставленную действительности и завязанную на структуру и физиологию высшей нервной деятельности.

Такая трактовка мышления, конечно, далека от истины. Форма добывающего истину мышления, т. е. истинного мышления, — этот вопрос всегда был в центре внимания философии. Он имеет место и в любой науке, ищущей истину. Потому у Ильенкова философия имплицитно присутствует в обсуждении всех проблем, а все эти проблемы для него носят сугубо человеческий, гуманистический характер.

И хотя Ильенков выделяет в качестве имеющих принципиальное значение для сознательного общественного развития как

бы только две науки, политэкономия и педагогика [14, с. 5—16], что, казалось бы, легко представимо, ибо они в первую очередь относятся к действительности общественного и индивидуально-личностного бытия, — на самом деле центральным вопросом для него всегда был вопрос истинной формы мышления.

С другой стороны, в центре интересов Ильенкова находится именно и только человеческая личность. Личность как идеал общественного развития, как самоцель истории и как действительность реального содержания общественных отношений. Она содержит в себе синтез всеобщих определенных культурно-исторической действительности и в их форме осуществляет себя. Поэтому идеал, говорит он, есть не отдаленное будущее, а принцип сегодняшнего дня. Как принцип он всегда утверждается здесь и теперь. И если целью деятельности образования не является личность, то такая позиция объективно направлена на разрушение истории, общественного целого. В такой ситуации неявно подменяется человеческий идеал.

Но начиная непосредственно анализировать вопрос «что же такое личность» [15, с. 387—415], Ильенков начинает с анализа логики, проблемы мышления, ибо «две логики — два подхода». Две логики — диалектическая и формальная — дают два образа личности. И полагаемые как цель, как идеал педагогической деятельности, эти образы определяют и различные способы самой образовательной деятельности. Здесь легко заметить, сколь внимателен Ильенков к логике мысли в любой проблеме, к той форме, которая позволяет понять суть вещи, о чем бы речь ни шла.

Да, две науки значимы в первую очередь для сознательного решения человеческих проблем, но всеми своими анализами Ильенков показывает, что без философии ни в этих науках, ни в человеческих делах, базирующихся на этих, и всех прочих, науках, делать нечего без философии. В одном из интервью [16] Ильенков обсуждает вопросы педагогики самой философии, и этим как

бы замыкает круг, движение идет не только от философии к педагогике, но и от педагогики, от личности к философии. К началам ума.

Присвоить всеобщую форму развития культурно-исторического бытия в качестве собственной меры отношения к этому бытию есть принципиальная позиция личностного бытия в мире, и одновременно — мера своего собственного самосознания, его критической позиции к самому себе. Что, по Ильенкову, и совпадает с принципом коммунизма. Здесь не поможет рассудочный прагматизм.

Лишь проникший в существо всего Ильенковского творчества увидит, сколь последовательно выстраиваются проблемы, ведущие его исследовательский поиск. При первом чтении умный читатель, не ищущий золотого ключика, столкнувшись с Ильенковым, конечно, не может не столкнуться и с самим собой. Не может не усомниться в привычных схематизмах своих суждений, уложенных в свою субъективность всем складом общественного сознания, культивируемым от семьи и детского сада до вуза и академических ученых степеней.

Вошедший в пространство Ильенковских размышлений не может не почувствовать себя в той самой атмосфере, которую хочется назвать глубочайшим синтезом культуры ума и чувств, в той философии, которая и есть мыслящая форма самосознания человечества. «Э. В. Ильенков — это далеко не только классическая определенность философских проблем. От него идут глубокие линии в различные пласты культуры — в науку, искусство, экономику, психологию, педагогику, эстетику, этику. Даже в политику. Там, где знание, культурно-творческая деятельность сталкивается с классикой, там действительность сталкивается с Ильенковым» [4, с. 175].

Литература

1. Эвальд Васильевич Ильенков / Под ред. В. И. Толстых. М.: РОССПЭН, 2008. 431 с.
2. Ильенков Э. В. Откуда берется ум? // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.

(Мыслители XX века).

3. **Ильенков Э. В.** Учиться мыслить! // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с. (Мыслители XX века).
4. **Лобастов Г. В.** Философия Э. В. Ильенкова: к семидесятипятилетию со дня рождения // Вопросы философии. М.: Институт философии РАН. 2000. № 2. С. 169—175.
5. **Вишневский Януш Леон.** На фейсбуке с сыном: сюрреалистическая история. М.: АСТ, 2013. 384 с.
6. **Мареев С. Н.** Э. В. Ильенков: жизнь философией. М.: Академический проект; Трикста, 2015. 327 с.
7. **Ильенков Э. В.** Космология духа // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с. (Мыслители XX века).
8. **Лобастов Г. В.** От космологии духа до психологии сознания (начала и концы философии Э. В. Ильенкова) // Вопросы философии. М.: Институт философии РАН. 2019. № 10. С. 142—153.
9. **Ильенков Э. В.** Об идолах и идеалах. 2-е изд. К.: Час-Крок, 2006. 312 с.
10. **Ильенков Э. В.** Идеальное и идеал // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с. (Мыслители XX века).
11. **Ильенков Э. В.** Античная диалектика как форма мысли // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с. (Мыслители XX века).
12. **Ильенков Э. В.** Собрание сочинений: в 10 т. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация». Т. 1: Абстрактное и конкретное. 2019. 463 с.
13. **Ильенков Э. В.** Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997. 464 с.
14. **Новохатько А. Г.** Феномен Ильенкова // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с. (Мыслители XX века).
15. **Ильенков Э. В.** Так что же такое личность? // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с. (Мыслители XX века).
16. **Ильенков Э. В.** Клуб философов и философия в клубе // От философии до педагогики / Ред., сост. Г. В. Лобастов. М.: СГУ, 2015. С. 506—518.

Поступила 05.11.2019

Лобастов Геннадий Васильевич — д.ф.н., профессор, профессор кафедры философии Московского авиационного института (национальный исследовательский университет) — МАИ, Президент Российского философского общества «Диалектика и культура», lobastov.g.v@yandex.ru

References

1. Jeval'd Vasil'evich Il'enkov / Pod red. V. I. Tolstyh. M.: ROSSPJeN, 2008. 431 s.
2. Il'enkov Je. V. Otkuda beretsja um? // Filoso-fija i kul'tura. M.: Politizdat, 1991. 464 s. (Mysli-teli XX veka).
3. Il'enkov Je. V. Uchit'sja myslit'! // Filoso-fija i kul'tura. M.: Politizdat, 1991. 464 s. (Mysli-teli XX veka).
4. Lobastov G. V. Filosofija Je. V. Il'enkova: k semi-desjatiptjatiletiju so dnja rozhdenija // Vopro-sy filosofii. M.: Institut filosofii RAN. 2000. № 2. S. 169—175.
5. Vishnevskij Janush Leon. Na fejsbuke s synom:

surrealisticheskaja istorija. M.: AST, 2013. 384 s.

6. Mareev S. N. Je. V. Il'enkov: zhit' filoso-fiej. M.: Akademicheskij proekt; Triksta, 2015. 327 s.
7. Il'enkov Je. V. Kosmologija duha // Filoso-fija i kul'tura. M.: Politizdat, 1991. 464 s. (Mysli-teli XX veka).
8. Lobastov G. V. Ot kosmologii duha do psi-hologii soznanija (nachala i koncy filosofii Je. V. Il'enkova) // Vo-prosy filosofii. M.: Insti-tut filosofii RAN. 2019. № 10. S. 142—153.
9. Il'enkov Je. V. Ob idolah i idealah. 2-e izd. K.: Chas-Krok, 2006. 312 s.
10. Il'enkov Je. V. Ideal'noe i ideal // Filoso-fija i kul'tura. M.: Politizdat, 1991. 464 s. (Mysli-teli XX veka).
11. Il'enkov Je. V. Antichnaja dialektika kak for-ma mysli // Filosofija i kul'tura. M.: Politizdat, 1991. 464 s. (Mysliteli XX veka).
12. Il'enkov Je. V. Sbranie sochinenij: v 10 t. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitacija». T. 1: Abstraktnoe i konkretnoe. 2019. 463 s.
13. Il'enkov Je. V. Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v nauchno-teoreticheskom myshlenii. M.: ROSSPJeN, 1997. 464 s.
14. Novohat'ko A. G. Fenomen Il'enkova // Filoso-fija i kul'tura. M.: Politizdat, 1991. 464 s. (Mysliteli XX veka).
15. Il'enkov Je. V. Tak chto zhe takoe lichnost'? // Fi-losofija i kul'tura. M.: Politizdat, 1991. 464 s. (Mysliteli XX veka).
16. Il'enkov Je. V. Klub filosofov i filosofija v klube // Ot filosofii do pedagogiki / Red., sost. G. V. Lobastov. M.: SGU, 2015. S. 506—518.

Submitted 05.11.2019

Lobastov Gennadij V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor; professor of Philosophy Department, Moscow Aviation Institute (National Research University) — MAI (4, Volokolamskoe shosse, Moscow, 125993, Russia), lobastov.g.v@yandex.ru